

УДК 82

**ТРАДИЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В РОМАНЕ Я. СЁДЕРБЕРГА «ДОКТОР ГЛАС»**

© 2012 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 01.06.2011

Рассматриваются параллели в сюжетах, а также сходство философской проблематики романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и романа шведского писателя Я. Сёдерберга «Доктор Глас».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Я. Сёдерберг, мораль, преступление, социальная несправедливость, общество, философия, разум.

Яльмар Сёдерберг – один из представителей шведской литературы, творчество которых критика называет «эстетически сложным» [1], но редко рассматривает достаточно подробно. Между тем оно может привлечь внимание исследователей не только зарубежной, но и отечественной литературы, поскольку в произведениях Сёдерберга отразился интерес к творчеству русских писателей, например Достоевского. Хотя «литературные отношения России со Скандинавией не были столь интенсивными и устойчивыми, как, например, с Францией или Германией» [2, с. 4], но современные исследователи не случайно утверждают, что «шведскому менталитету в высшей степени свойственно почтительное отношение <...> к писателям и учёным разных стран» [3]. В том числе это касается и восприятия российской культуры, а Ф.М. Достоевский «сделался в глазах Запада ярчайшим выражением <...> русской становящейся культуры» [4, с. 180].

Роман Яльмара Сёдерберга «Доктор Глас» благодаря своей тематике и сюжету вызывает у критики явные ассоциации с «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского: «Сёдерберг, безусловно, знал «Преступление и наказание» Достоевского. Герой его книги доктор Глас говорит: «Я читал про Раскольникова». Его, как и Раскольникова, неотступно преследует мысль об убийстве... Но, разумеется, ошибочно было бы проводить прямые параллели между «Доктором Гласом» и «Преступлением и наказанием»... В целом Сёдерберг заимствует у Достоевского не социально-философскую, а лишь морально-этическую сторону его творчества» [5, с. 7]. Критика отмечает в произведении Сёдерберга тему «"идейного" преступления», отправной точкой для исследования которой послужил для писателя опыт Достоевского, его «Преступления и наказания» [6].

Действительно, если рассматривать сюжет романа «Доктор Глас», то ассоциация с «Преступлением и наказанием» напрашивается: герой задумывает преступление, морально оправдывает его, проходит через сомнения в собственной способности совершить убийство, но всё же решается на это, а впоследствии испытывает страдания. Эти сюжетные составляющие двух произведений явно сходны, хотя неопосредованно глубина сомнений и страданий героев (если у Раскольникова дело доходит до мысли о самоубийстве, то Глас остаётся рациональным и почти всегда достаточно уравновешенным). Различаются и мотивы преступлений героев. Вроде бы оба решаются убить такого человека, который является, с их точки зрения, воплощением зла. Однако для Гласа главной причиной преступления становится желание избавиться Хельгу Грегориус от тяжёлой необходимости жить с нелюбимым, отвратительным для неё человеком. Правда, Глас и ранее ненавидел пастора Грегориуса за его лицемерие и фарисейство, доктор даже мысленно задавал себе вопрос о возможности его убийства и решал подобный вопрос положительно, но всё же нужно отметить, что готовность убить человека, пусть и максимально антипатичного, тогда имела для Гласа сугубо теоретический характер. Она перерастает в практическое намерение, когда доктор узнаёт о том, как страдает рядом с пастором его жена Хельга – женщина, которая бесконечно дорога Гласу, хотя между ними и нет близких отношений. «Поступок героя в трактовке писателя мотивирован именно соображениями гуманизма» [7], причём гуманизма по отношению к конкретному человеку. У Раскольникова ситуация иная, хотя на первый взгляд можно обнаружить и сходство: Глас убивает пастора,

чтобы спасти Хельгу, Раскольников убивает процентщицу, избавляя её бедных должников от унижений и страданий. И всё же в случае с Раскольниковым речь идёт уже не о личном мотиве, как у Гласа, а о принципиальных соображениях справедливости. А главное, для Раскольникова это вовсе не основной мотив преступления, а лишь один из моментов, которые, с его точки зрения, оправдывают аморальный поступок. Главной же причиной убийства процентщицы является, как известно, идея «крови по совести», философско-этическое обоснование преступления, тогда как у героя Сёдерберга такой развёрнутой теории нет.

Обращает на себя внимание то, что оба преступника не преследуют никаких корыстных целей. Доктор Глас искренне хочет видеть любимую женщину свободной и счастливой, пусть даже она никогда не будет с ним. Раскольников же вроде бы признаёт, что «для себя убил», однако это далеко не вся правда. Убийство процентщицы мотивировалось стремлением героя проверить, относится ли он к людям наполеоновского типа, но эта проверка не являлась самоцелью, иначе в поступке Раскольникова не было бы ничего «по совести». Первотолчком для действий этого героя является стремление преобразить жизнь человечества так, чтобы исключить социальную несправедливость, а для этого, как он доказывает Сонечке, необходима «власть над всею дрожащею тварью и над всем муравейником» [8, с. 313], достичь же этого способен лишь человек наполеоновского типа – отсюда и испытание собственного характера как первый шаг к цели. Поэтому Раскольникова, как и Гласа, невозможно обвинить в корыстных побуждениях. Однако масштабы замыслов у этих персонажей разные: один стремится помочь любимой женщине, а другой – всему человечеству.

Итак, параллели в сюжетах «Доктора Гласа» и «Преступления и наказания» достаточно очевидны, хотя, безусловно, одно произведение не «накладывается» на другое полностью. Менее очевидны, однако более глубоки, на наш взгляд, параллели между романом Сёдерберга и «Братьями Карамазовыми» Ф.М. Достоевского. И там, и здесь решается с философской точки зрения вопрос о *возможностях человеческого разума, о перспективах попыток рационально переделать жизнь*, вмешаться в её ход. В этом смысле доктора Гласа можно сопоставить с Иваном Карамазовым: оба мучительно ранены самим существованием несправедливости и пытаются бросить ей вызов, решив все вопросы в рамках своего «эвклидовского», по выражению Ивана Карамазова [9, с. 306], разума.

«Жизнь, я не понимаю тебя!» – пишет доктор Глас [10, с. 65]. Его собственный жизненный опыт, конечно, нельзя назвать исчерпывающим, но всё же он достаточно обширен, и этот опыт приводит героя к выводу, что *действительность иногда бывает неразумна* и даже абсурдна. Пример тому – случай из его практики. За несколько лет до момента действия молодая женщина умоляла доктора Гласа избавить её от нежелательной беременности, однако он отказался, поскольку по закону не имел права согласиться. По логике вещей он поступил верно, но потом выяснилось, что это всем принесло лишь несчастье: родившийся у этой женщины ребёнок оказался не только уродлив внешне, но и не способен к умственному развитию, у него нет будущего, и к тому же, вероятно, его существование серьёзно осложняет жизнь всей семье. Когда-то доктор спас это существо ещё в утробе матери, которая не хотела его рождения, а теперь он спасает уродливого и неразвитого ребёнка второй раз, излечивая его от опасной болезни. В первый раз доктор поступил согласно своему долгу, но в то же время и согласно собственным внутренним убеждениям: он полагал, что нельзя обрывать человеческую жизнь. Во второй же раз герой вновь действует так, как обязан действовать врач, однако это уже совершенно не согласуется с его внутренней установкой: он искренне полагает, что разумнее и гуманнее было бы позволить больному ребёнку умереть. Существуют выработанные обществом нормы морали, согласно которым человек, каков бы он ни был, имеет право жить, а врач, каково бы ни было его личное мнение, должен лечить любого больного. Однако доктор Глас, по его собственному признанию, не считает, что человек *обязан* руководствоваться моралью: она довлеет над тем, кто ей подчиняется, но она не имеет ни малейшего значения для того, кто живёт вне её законов. А подчиняться ли нравственным нормам – это вопрос личных убеждений человека: «Мораль – это знаменитая меловая черта вокруг курицы: она связывает того, кто в неё верит. Мораль – это представления других о «правильном» в жизни» [10, с. 82]. О самом себе герой пишет, что часто законы морали совпадают с его внутренними убеждениями, но всё же не всегда: «Во многих случаях я просто не считаю расхождение между своим «я» и моралью стоящим того риска, который может повлечь за собой отклонение от оной, и потому подчиняюсь» [10, с. 82–83]. Итак, есть представления «других» о «правильном», а есть собственное представление героя, и если они расходятся, то для доктора (и не только для него, а для среднестатистического, скажем, чело-

века) естественно считать, что прав *он*, а не «другие». Точно так же, осмысливая несправедливость жизни, подобный человек будет уверен, что *бытие устроено как-то «неправильно»*, и он может прийти к убеждению, что *в законы жизни стоит вмешаться и исправить их согласно его представлениям о «правильном»*. Так, доктор Глас, размышляя о семье, в которой растёт умственно не развитый ребёнок, приходит к мысли о том, что не стоило бы ничего предпринимать для его спасения, хотя это практически было бы равносильно убийству. Подтверждение своим взглядам доктор находит в цитируемых им на страницах дневника словах Сенеки: «Когда ребёнок родится уродом, его лучше утопить», а также в статистических данных, приводимых там же: «На содержание каждого идиота в Приюте принцессы Евгении тратится ежегодно больше, чем получает годового жалованья молодой здоровый работник» [10, с. 66]. В данном случае рассуждения героя имеют теоретический характер. Однако в случае с пастором доктор Глас уже действует практически. Ему представляется несправедливым, что не порядочный человек будет благополучно жить, а рядом с ним будет страдать человек гораздо более достойный. По поводу этой ситуации герой мог бы тоже сказать: «Жизнь, я не понимаю тебя». От непонимания он идёт к неприятию, а от всего этого – к желанию исправить положение вещей в соответствии со своими представлениями о справедливости. А это желание, в свою очередь, приводит героя к преступлению. Убийство становится для него единственным реальным способом восстановить справедливость, как он её понимает.

Точно так же развивается логика действий Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского. Этот герой не принимает законов буржуазного мира, основанного на социальном неравенстве, и считает необходимым этот мир перестроить в соответствии со своим взглядом на справедливость, для чего ему и необходимо «Наполеоном сделаться». В рассуждениях Раскольникова заложено «ядро» той философии, которую впоследствии разовьёт Иван Карамазов. В главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы» этот герой излагает Алёше такие факты, которые приводят к мысли о том, что мир устроен «неправильно», так как в нём страдают даже безвинные дети. Осмысливая такое мироустройство, Иван Карамазов мог бы сказать словами доктора Гласа: «Жизнь, я не понимаю тебя», а от непонимания до неприятия – один шаг, и Иван приходит к тому, что «мира божьего не принимает» [9, с. 295]. Иван говорит своему брату, что хочет просто отказаться от «билетика» в будущее

царство вечной истины и гармонии, если для их торжества необходимы страдания безвинных существ. Он утверждает, что хочет просто остаться в стороне от этой всеобщей гармонии, остаться со своим негодованием против несправедливости. Однако на самом деле он не останавливается на отрицании, а идёт дальше в развитии своей мысли. Если христианское понимание гармонии и истины не принимается им, то в чём он видит альтернативу? Ответ Ивана Карамазова на этот вопрос – его поэма «Великий инквизитор», герой которой в своём страстном и трагическом монологе выражает мысль Ивана о неприятии мира, где большинство людей обречено на страдания, и о том, что всё это нужно исправить. В уста великого инквизитора Иван вкладывает собственный проект такой организации социума, при которой люди будут максимально счастливы (в том смысле, в каком он понимает счастье). При этом Иван исходит из того, что его представления о счастье и справедливости есть истина в последней инстанции. Герой его поэмы – великий инквизитор – уверен в том, что люди в его государстве живут как «счастливые младенцы», не знающие забот, проблемы выбора, познания добра и зла, правда, при этом они, по сути дела, полностью лишены свободы воли, находятся в тотальной зависимости от правящей верхушки, а те, кто каким-то образом выходит за эти рамки, объявляются еретиками и уничтожаются. Ни герою поэмы, ни её автору – Ивану Карамазову – не приходит в голову, что человек может оказаться гораздо более сложным и иррациональным существом, чем им кажется, и счастье для него может заключаться совсем не в той беззаботной жизни, которую обеспечивает социальная система великого инквизитора. В своём стремлении переустроить общество и осчастливить людей великий инквизитор и стоящий за ним Иван Карамазов опираются лишь на собственный разум и не задумываются о возможности ошибки.

Таким образом, и для Ивана Карамазова, и для его литературного предшественника Раскольникова, и для доктора Гласа в романе Сёдерберга характерно стремление вмешаться в ход вещей и устранить несправедливость, причём это приводит их к моральному оправданию насилия. Они смотрят на мир через призму своего, «эвклидовского» (по выражению Ивана Карамазова) разума. По мнению доктора, если человек взглянет на свою жизнь «сверху», то она окажется бессмысленной и «не стоящей ни гроша». Поэтому Глас предпочитает такому «холодному» взгляду с «вселенской» высоты именно свою, «земную» точку зрения на мир: «Нет, ты смотри на свой мир со своей собствен-

ной точки зрения, а не с какой-то воображаемой вселенской; ты скромно мерь своим собственным мериллом, сообразно своему положению и обстоятельствам человека – жителя земли» [10, с. 90]. Иван тоже делает акцент на том, что разум человека «земной», далёкий от «вселенской» точки зрения. Герой называет его «эвклидовским», трёхмерным, понимая, видимо, что эта «трёхмерная», упрощенная перспектива является ограниченной, но другой точки зрения, как он считает, человеку не дано. Этот аспект мировоззрения, общий для доктора Гласа и Ивана Карамазова во многом определяется **атеистическим характером их сознания**. Для человека верующего жизнь имеет другой смысл, потому что предполагается другая точка зрения на неё.

В романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» Достоевский показывает одного из героев (Раскольников, Ивана Карамазова) *атеистом* (правда, и тому, и другому автор оставляет возможность в дальнейшем обрести веру), а рядом с ним изображает *героя-христианина* (Сонечку, Алёшу Карамазова): для романов Достоевского характерна поэтика альтернатив, «симметрия» противоречащих друг другу начал [11, с. 131]. Противоположные взгляды писатель сталкивает в сложнейших философских спорах, ведь у Достоевского «любая житейская ситуация способна породить неразрешимые до конца проблемы» [12, с. 37], а между героями, которые на первый взгляд могут представляться антагонистами, существует «пространство особого родства» [13, с. 863]. Вспомним разговор Раскольникова с Сонечкой о том, как бы она решила вопрос: «Лужину ли жить и делать мерзости или умирать Катерине Ивановне» [8, с. 388]. Для Раскольникова вопрос имеет логическое решение: можно пожертвовать безнравственным и подлым человеком, например Лужиным, ради хороших и, кроме того, близких тебе людей, например Катерины Ивановны с детьми. Сонечка же отвечает, что не считает возможным быть судьёй в вопросах жизни и смерти других людей, поскольку «Божьего промысла знать не может». Её собеседнику сразу становится ясно, что им не найти общего языка: Сонечкины слова переводят разговор в совершенно иную плоскость, чем рассчитывал он. Раскольников и Сонечка как будто находятся в разных «системах координат», у них разные «точки отсчёта». Для Сонечки все люди равны перед Богом, они как бы находятся на одной ступени, выше их – только Бог, поэтому только Он имеет право вершить судьбы. Раскольников же, не будучи верующим, считает, что такое право есть у каждого челове-

ка, в том числе у него самого. Он решает чужую судьбу в рамках своих – «эвклидовских», как сказал бы Иван Карамазов, – представлений, тогда как Сонечка обращается к «промыслу Божьему», считая, что над ограниченной человеческой точкой зрения есть иная – всеобъемлющая, высшая.

Похожая ситуация складывается в споре Ивана и Алёши Карамазовых. Иван, рассказывая о страданиях безвинных детей, делает вывод с точки зрения «земной», что нельзя простить эти страдания, нельзя понять, в чём их смысл. Об этом писал Н. Бердяев: «Он ставит свой вопрос не как христианин, верующий в божественный смысл жизни, а как атеист и нигилист, отрицающий божественный смысл жизни, видящий лишь бессмыслицу и неправду с ограниченной человеческой точки зрения <...> Рационально постигнуть в пределах земной жизни, почему был замучен невинный ребенок, невозможно. Сама постановка такого вопроса – атеистична и безбожна. Вера в Бога и Божественный миропорядок есть вера в глубокий, сокровенный смысл всех страданий и испытаний, выпадающих на долю всякого существа в его земном существовании. Утереть слезинку ребенка и облегчить его страдания есть дело любви, но пафос Ивана не любовь, а бунт... Он бунтует потому, что не верит в бессмертие, что для него все исчерпывается этой бессмысленной эмпирической жизнью, полной страданий и горя» [14, с. 264]. Алёша же, будучи по-настоящему верующим, для объяснения высшего смысла страданий, прощения и милосердия обращается к такому аргументу, как искупительная жертва Христа.

Если Ф.М. Достоевский в своих произведениях, как было отмечено выше, сталкивает в спорах героя-атеиста с героем-христианином, то Я. Сёдерберг в романе «Доктор Глас» *не даёт какого-либо философского противовеса атеизму главного героя* и его «земной» точке зрения на смысл жизни и на несправедливость такого положения вещей, при котором страдает порядочный и нравственно чистый человек. Доктор никогда не был верующим человеком, и религиозные проповеди уже с детства представлялись ему лишь изошрённой формой обмана, демагогии. Олицетворением этого фарисейства становится для него пастор Грегориус. Для жены пастора Хельги он тоже воплощение ханжества и лжи. Она утрачивает всякое уважение к религии, живя рядом со священником, поведение которого по форме вроде бы неуязвимо для какой-либо критики, а по сути совершенно безбожно. Писатель изображает в качестве отрицательного героя именно пастора, и это не случайно, что отмечается и критикой: «В его рома-

не «Доктор Глас» содержалась... радикальная критика морали и нравов современного ему шведского общества и, в частности, лицемерия шведского духовенства» [5, с. 5]. Можно даже сказать, что дело не просто в осуждении лицемерия неких представителей шведского духовенства – проблема гораздо глубже и серьезнее: роману Я. Сёдерберга свойственен антирелигиозный пафос, что, по всей видимости, свидетельствует об авторском неприятии религии вообще, не случайно в критической литературе упоминается о его «несогласии с религиозной моралью» [15]. Если Ф.М. Достоевский констатировал, что его «осанна» христианству прошла через «большое горнило сомнений» и всё же восторжествовала, то для Я. Сёдерберга, по всей вероятности, не было не только «осанны», но даже сомнений: роман «Доктор Глас» свидетельствует о его атеистической позиции.

Итак, Родион Раскольников и Иван Карамазов (а вместе с ним и великий инквизитор) у Ф.М. Достоевского и Тюко Габриель Глас у Я. Сёдерберга руководствуются «земным» разумом, они с «эвклидовской» позиции пытаются бороться со злом, и их логика приводит к тому, что «цель оправдывает средства». Однако во всех трёх случаях можно констатировать, что *конечная благородная цель – счастье других людей – не достигнута*. Раскольников своим «первым шагом», т. е. преступлением, приносит лишь страдания как себе, так и другим людям. Великий инквизитор (выразитель взглядов Ивана Карамазова), желая осчастливить людей, превращает их в рабов, а любого, кто начинает мыслить иначе, чем покорная власти толпа, объявляет еретиком и уничтожает. Герой Я. Сёдерберга делает всё возможное для счастья своей возлюбленной, но в результате она всё равно несчастна. Освобождение от невыносимой супружеской жизни с Грегориусом не становится для Хельги решением всех проблем: для неё главным смыслом бытия стала любовь к Класу Рекке, который в итоге предал её ради благополучного будущего рядом с богатой женой. По словам Хельги, она испытывала настоящее счастье именно тогда, когда ещё была замужем за Грегориусом, но любила Класа Рекке и чувствовала взаимность с его стороны. Она признает, что эта ситуация была для неё морально тяжёлой, но тем не менее только тогда она ощущала счастье и полноту жизни. Это противоречит рационалистической логике, но подтверждает слова Ф.М. Достоевского о том, что человеку необходимо столько же счастья, сколько несчастья.

Финалы произведений Ф.М. Достоевского и Я. Сёдерберга несут в себе идею *бесперспективности рационалистических построений*

«эвклидовского» разума, над которым торжествуют жизненные закономерности и иррациональность человеческой натуры. Раскольников в эпилоге к роману готов к отказу от прежних убеждений и к новой жизни рядом с Сонечкой; Иван Карамазов, не выдержав моральной тяжести собственных идей, сходит с ума, но всё же Алёша с оптимизмом говорит о том, что впоследствии в душе его может восторжествовать христианское начало. Доктор Глас, осознав, что его преступление не принесло желаемого результата, в очередной раз констатирует, что жизнь не поддаётся его пониманию, и приходит к мысли о том, что, возможно, жизнь и не нужно понимать: «И всё чаще стало закрадываться мне в голову сомнение: а надо ли вообще понимать жизнь. Может, это всеобщее помешательство, эта неистовая жажда объяснить и понять, эта погоня за истиной – ложный путь... Мысль что разъедающая кислота. Ты думаешь поначалу, что она разест лишь прогнившее и больное, непригодное для жизни. Но мысль мыслит по-своему: она разъедает всё подряд» [10, с. 126].

У Ф.М. Достоевского рационалистическому, «трёхмерному» миропониманию противопоставлены вера и иррациональная «натура» человека, которые в конечном итоге ведут к некоему «свету в конце тоннеля». У Я. Сёдерберга такой антитезы нет, поэтому его художественная концепция выглядит более пессимистичной.

Список литературы

1. Леонова Е.А. Литературы скандинавских стран (конец XIX–начало XX века) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ae-lib.org.ua/texts/leonova_scandinavian_XIX-XX_ru.htm
2. Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. М.: Наука, 1980. 482 с.
3. Новицкая И.Я. Шведская литературная критика и журналистика о становлении детской и юношеской литературы Швеции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/shvedskaya-literaturnaya-kritika-i-zhurnalistika-o-stanovlenii-detskoi-i-yunosheskoi-literat> (дата обращения: 14.03.2011)
4. Криницын А.Б. Достоевский в Германии // Достоевский и XX век: Сб. ст.: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 178 – 250.
5. Брауде Л. Романы Яльмара Сёдерберга «Доктор Глас» и «Серьёзная игра». / Сёдерберг Я. Доктор Глас. / Пер. Е. Мамоновой., Е. Суриц. М., 1971. С. 3 – 14.
6. Львовский О.А. Проблемы преступления и наказания: Достоевский и шведская литература конца XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://petsu.karelia.ru/ScienceActivity/confer/1997/scandi/8_a.htm

7. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.niv.ru/doc/literature/world-encyclopedia/405.htm>
8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: ГИХЛ, 1955. 552 с.
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. // Достоевский Ф.М. Собр.соч.: В 10 т. Т. 9. М.: ГИХЛ, 1958. 636 с.
10. Сёдерберг Я. Доктор Глас: Сборник / Сёдерберг Я.; Пер. Е. Мамоновой, Е. Суриц. М.: Худож. лит., 1971. 303 с.
11. Бэлнеп Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых». СПб: Академический проект, 1997. 144 с.
12. Соколов Б. Расшифрованный Достоевский. М.: Эксмо, Яуза, 2007. 512 с.
13. Кобленкова Д.В. Элементы агиографического канона как метажанровой структуры в повести С. Лагерлёф «Деньги господина Арне» и одноимённой экранизации М. Стиллера // Вестник Нижегородского государственного университета. 2010. № 4 (2). С. 862 – 865.
14. Бердяев Н. Духи русской революции. // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 250 – 290.
15. Мацевич А.А. Сёдерберг Яльмар // БСЭ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Сёдерберг%20Яльмар/>

F.M. DOSTOEVSKY'S TRADITIONS IN H. SÖDERBERG'S NOVEL "DOCTOR GLAS"

O.S. Sukhikh

The article analyses plot parallels and the similarity of philosophical problems in F.M. Dostoevsky's novels "Crime and Punishment" and "The Brothers Karamazov" and the novel "Doctor Glas" by the Swedish writer H. Söderberg .

Keywords: F.M. Dostoevsky, H. Söderberg, morals, crime, social injustice, society, philosophy, mind.